

Лопатина Т. М.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОТЯГЧАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. Внедрение систем искусственного интеллекта (далее — ИИ) в клиническую практику трансформирует традиционные представления о врачебной ошибке и уголовной ответственности медицинских работников. Настоящая статья посвящена анализу теоретических и практических проблем, связанных с квалификацией использования ИИ в качестве отягчающего обстоятельства при совершении преступлений в сфере здравоохранения. Рассматривается соотношение составов преступлений, связанных с причинением смерти по неосторожности, и корпоративным убийством в контексте применения ИИ. Особое внимание уделяется проблеме распределенной ответственности между разработчиками, медицинскими организациями и клиницистами, а также новейшим законодательным инициативам в сфере регулирования ИИ в медицине. Автор приходит к выводу, что использование ИИ в ряде случаев может усиливать общественную опасность деяния и выступать фактором, отягчающим ответственность, однако существующие правовые конструкции нуждаются в адаптации с учетом технологической специфики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, здравоохранение, уголовная ответственность, отягчающие обстоятельства, врачебная ошибка, непредумышленное убийство, корпоративная ответственность, медицинское право.

Для цитирования: Лопатина Т. М. Использование искусственного интеллекта как отягчающее обстоятельство при совершении преступлений в сфере здравоохранения // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 105–112. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-105-112

Lopatina T. M.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN AGGRAVATING FACTOR IN HEALTHCARE CRIMES

Abstract. The introduction of artificial intelligence systems (hereinafter referred to as AI) into clinical practice is transforming traditional notions of medical error and the criminal liability of healthcare professionals. This article aims to analyze the theoretical and practical challenges associated with the classification of the use of AI as an aggravating factor in healthcare-related crimes. It explores the relationship between the elements of crimes involving negligent homicide and corporate murder in the context of AI applications. Special attention is paid to the problem of distributed responsibility between developers, medical organizations, and clinicians, as well as to the latest legislative initiatives in the field of AI regulation in medicine. The author concludes that the use of AI in some cases can increase the public danger of an act and act as an aggravating factor, but existing legal structures need to be adapted.

105

Уголовно-правовые
науки

Keywords: *artificial intelligence, healthcare, criminal liability, aggravating circumstances, medical error, manslaughter, corporate liability, medical law.*

For citation: Lopatina T. M. The Use of Artificial Intelligence as an Aggravating Factor in Healthcare Crimes. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 105–112. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-105-112

Стремительная цифровая трансформация здравоохранения, включая внедрение систем искусственного интеллекта для поддержки принятия клинических решений и диагностики, открывает беспрецедентные возможности для повышения качества и доступности медицинской помощи. Однако наряду с преимуществами, применение ИИ порождает сложные правовые вопросы, связанные с распределением ответственности в случае причинения вреда здоровью пациента.

В отличие от традиционных медицинских инструментов ИИ обладает свойствами автономности, непрозрачности и способности к самообучению, что делает практически невозможным предсказание всех возможных сбоев и ошибок. Данная технологическая сложность создает ситуацию, при которой традиционные механизмы уголовной ответственности, ориентированные на установление индивидуальной вины конкретного лица, оказываются недостаточно эффективными [1. С. 421–432].

Цель настоящей статьи — исследовать, при каких условиях использование искусственного интеллекта при оказании медицинской помощи может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность.

Применение ИИ в здравоохранении существенно видоизменяет традиционные составы преступлений, предусмотренные за врачебные ошибки, повлекшие тяжкие последствия или смерть пациента. Как справедливо отмечается в юридической литературе, правовые вопросы, связанные с привлечением к ответственности за действия, связанные с использованием интеллектуальных систем в здравоохранении, приведшие к негативным последствиям, в том числе причинению вреда жизни и здоровью пациентов, на данный момент не решены [7. С. 113–123].

В странах общего права одним из основных составов, применимых к врачебным ошибкам со смертельным исходом, является непредумышленное убийство по грубой небрежности, которое основано на доказательстве нарушения долга

заботы, предвидимости серьезного и очевидного риска смерти. Сходную модель обозначенного преступления можно наблюдать в Уголовных кодексах Австрии и Германии, в которых закреплены общие нормы о причинении смерти по неосторожности [10. С. 378].

В УК РФ, исходя из объекта преступлений, совершаемых в процессе оказания медицинской помощи и медицинских услуг, можно выделить круг, так называемых, ятрогенных преступлений, к числу которых относятся, причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, причинение тяжкого вреда по неосторожности вследствие тех же действий, заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, халатность (ст. 109 УК РФ, ст. 118 УК РФ, ч. 4 ст. 122 УК РФ и ст. 293 УК РФ соответственно) [4. С. 29]. Помимо указанных составов, следует выделить преступные деяния в сфере медицины, предусмотренные ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному) и ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей), объективная сторона которых может быть реализована с использованием искусственного интеллекта.

Использование ИИ при совершении данных преступлений возлагает ответственность на медицинское учреждение, от имени которого искусственным интеллектом было осуществлено действие в виде оказания медицинской услуги или бездействие в виде неоказания помощи больному, что вносит существенные коррективы в применение обозначенных составов преступлений. Во-первых, возникает вопрос о стандарте сравнения: должен ли клиницист оценивать рекомендацию ИИ с позиции разумного врача, использующего традиционные методы диагностики, или же исходить из того, что ИИ может обладать недоступными человеку аналитическими возможностями? Во-вторых, ИИ создает ситуацию, когда врач не может понять логику, стоящую за рекомендацией системы, что ставит под

сомнение возможность предвидения рисков от диагностики или медикаментозного назначения.

Современные принципы уголовного права не разрабатывались для решения проблемы ответственности за действия, совершенные системами искусственного интеллекта, что оставляет открытыми вопросы уголовной ответственности за ошибки автономных медицинских роботов, приведшие к травме или смерти пациента. Пока использование ИИ создает нетривиальный риск привлечения клиницистов к уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности в условиях перегруженности системы здравоохранения, когда врачи вынуждены полагаться на алгоритмы искусственного интеллекта без должной проверки их выводов. В таких условиях существует риск, что конечный пользователь ИИ — врач принимает на себя правовые и моральные последствия системных сбоев, включая недостатки самого ИИ и организационные недостатки медицинского учреждения.

Данная ситуация имеет прямое отношение к вопросу об отягчающих обстоятельствах. Если врач, находясь под воздействием автоматизационного уклона, слепо доверяет рекомендации ИИ, можно ли рассматривать использование передовой технологии как фактор, усиливающий его вину? Или же, напротив, сложность технологии и невозможность верификации ее выводов должны рассматриваться как смягчающее обстоятельство? Возможно, присутствует момент, когда необходимо пересмотреть содержание грубой небрежности в сторону субъективной опрометчивости как более справедливого и практически необходимого стандарта для уголовной ответственности, что позволило бы более справедливо оценивать действительные возможности врача по контролю за ИИ [12. С. 251].

Вариантность применения ИИ может привести к двум видам ошибок:

— системной, когда ошибка в алгоритме ИИ, допущенная на этапе разработки или обучения, тиражируется на тысячи пациентов. Если разработчик или медицинская организация осознанно внедряют недостаточно валидированный алгоритм, это свидетельствует о пренебрежении к безопасности пациентов и образует состав корпоративного убийства, что не предусмотрено отечествен-

ным уголовным законодательством. Если уголовные обвинения не могут быть предъявлены самому роботу, юридическая ответственность потенциально должна быть возложена на производителей, операторов, больницы или программистов, связанных с роботом [6. С. 51–60]. Однако доказать причинно-следственную связь и вину в таких случаях чрезвычайно сложно. Традиционная линейная модель причинности, ориентированная на установление непосредственной связи между действием конкретного лица и причиненным вредом, оказывается неприемлемой. Возникает ситуация, когда каждый из участников процесса (разработчик, медицинская организация, врач) может утверждать, что его вклад в причинение вреда не был определяющим, либо что он полагался на надлежащие действия других участников.

Совещательный характер систем ИИ создает юридическую фикцию, которая может оставить практикующих врачей несправедливо подверженными правовым последствиям в случае системных сбоев, поскольку конечный пользователь становится заложником обстоятельств, находящихся вне его контроля. В отсутствие правового регулирования привлечение операторов к уголовной ответственности по общим составам (например, по статьям о нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации) представляется затруднительным, особенно если их действия (бездействие) привели к причинению вреда жизни и здоровью пациентов опосредованно, через влияние на работу медицинского оборудования с элементами искусственного интеллекта.

— традиционной врачебной ошибки, ограниченной конкретным случаем и конкретным врачом, подпадающей под действующие квалификационные правила.

Новейшее законодательство США демонстрирует подход, при котором определенные способы использования ИИ могут сами по себе образовывать состав правонарушения или отягчать уголовную ответственность. Так, в США принят Техасский закон об ответственном управлении искусственным интеллектом, который прямо запрещает разработку и развертывание ИИ с намерением

спровоцировать самоповреждение, причинение вреда другому лицу или совершение преступления [13. С. 131–152]. Отечественный законодатель пока пребывает в состоянии осмысления происходящих в обществе под воздействием искусственного интеллекта изменений.

В научной литературе активно обсуждается вопрос о возможности признания ИИ субъектом права (электронным лицом) и привлечения к уголовной ответственности [5. С. 461–476; 2. С. 108–121]. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что уголовная ответственность должна оставаться человекоцентрированной [3. С. 25], рассматривая ИИ как инструмент совершения преступления. Ответственность за его применение несет человек или организация. В то же время, специфика ИИ как умного инструмента требует пересмотра традиционных подходов. Так, действующее законодательство не позволяет конфисковать искусственный интеллект как орудие преступления, а частичный запрет на занятие профессиональной деятельностью, ограниченный использованием ИИ, мог бы быть эффективной превентивной мерой, но пока также не предусмотрен.

В условиях использования ИИ в медицинской практике возникает проблема: должен ли врач предвидеть риски, связанные с ошибками алгоритма, особенно если система сертифицирована как медицинское изделие? Неосторожная форма вины (легкомыслие или небрежность) предполагает, что лицо либо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, но самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело такой возможности, хотя должно было и могло их предвидеть. А. А. Шутова подчеркивает, что медицинские работники всегда должны сохранять контроль над системами искусственного интеллекта при их внедрении [9, с. 150], т. е. клиницист должен разумно доверять имеющимся в его распоряжении цифровым инструментам, принимая окончательное решение. Если это так, то обоснование его ответственности в новых технологических условиях требует нового социального контракта внутри профессиональной среды относительно условий внедрения систем поддержки принятия врачебных решений в широкую медицинскую практику.

Анализ доступных источников показывает, что на сегодняшний день **отсут-**

ствует сформировавшаяся судебная практика, связанная с новизной применения технологий искусственного интеллекта в медицинской сфере и отсутствием специальных норм в Уголовном кодексе РФ, которые бы прямо регулировали ответственность за причинение вреда с использованием ИИ. Тем не менее, в декабре 2025 года произошло знаковое событие, которое можно рассматривать как **первый прецедент** взаимодействия российской судебной системы с медицинскими выводами, сгенерированными искусственным интеллектом, хотя и не в рамках уголовного преследования за врачебную ошибку. Мировой суд Ростовской области рассматривал уголовное дело о нанесении побоев (ст. 116 УК РФ). Обвиняемый отрицал факт удара сожительницы, утверждая, что лишь сделал угрожающий жест. Медицинское освидетельствование зафиксировало у потерпевшей повреждение губы в результате механического воздействия. Не согласившись с этим выводом и получив отказ в проведении дополнительной экспертизы, обвиняемый самостоятельно обратился к нейросети **Perplexity AI**. Мужчина загрузил в нейросеть фотографию потерпевшей и запросил медицинское заключение со ссылкой на профессиональные источники. ИИ проанализировал изображение и предположил наличие **воспалительного процесса или инфекционного заболевания, но не обнаружил признаков физической травмы**. Суд первой инстанции приобщил сгенерированный ИИ вывод к материалам дела, однако **признал его** не имеющим доказательственной силы и назначил наказание в виде 4 месяцев исправительных работ условно. Апелляционная инстанция оставила это решение без изменений¹.

Суды впервые столкнулись с необходимостью формально оценить медицинский вывод, сделанный ИИ. Отказ признать его доказательством указывает на то, что суды пока не готовы рассматривать сгенерированные ИИ данные как альтернативу заключению эксперта, составленному в соответствии с УПК РФ. Это создает важный прецедент для будущих дел, где сторона защиты может попытаться оспорить врачебную диагностику с помощью ИИ.

¹ Заключение нейросети не убедило суд в Ростовской области. URL: https://dzen.ru/a/aT1PyUxVBk_aofit (дата обращения: 22.02.2026 г.).

Хотя данное дело напрямую не связано с врачебной ошибкой, оно демонстрирует важные тенденции, которые будут иметь решающее значение для будущей практики по делам о причинении вреда с участием ИИ в медицине, в том числе проблему правового статуса медицинских заключений, сгенерированных ИИ.

Данная ситуация имеет прямое отношение и к вопросу об отягчающих обстоятельствах. Если врач, находясь под воздействием автоматизационного уклона, слепо доверяет рекомендации ИИ, можно ли рассматривать это как фактор, усиливающий его вину? Или же, напротив, невозможность верификации выводов ИИ должны рассматриваться как смягчающее обстоятельство?

Анализ современных исследований позволяет выделить несколько аспектов, в которых использование ИИ может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее ответственность, в силу масштабирования вреда и системного характера ошибок.

Так, традиционная врачебная ошибка ограничена конкретным случаем и конкретным врачом. Ошибка в алгоритме ИИ, однажды допущенная на этапе разработки или обучения, способна тиражироваться на тысячи пациентов. Данный системный характер вреда (системная ошибка) значительно повышает общественную опасность деяния. Если медицинское учреждение использует алгоритм, заведомо (или по преступной небрежности) приводящий к дискриминационным решениям в отношении пациентов определенного возраста или состояния здоровья, это может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее ответственность за причинение вреда здоровью, что, безусловно, несопоставимо с действиями отдельного врача. Способность ИИ к воспроизводству и усилению предвзятостей также создает основания для квалификации его использования как отягчающего обстоятельства.

Правительство РФ в феврале 2026 года анонсировало подготовку рамочного закона об искусственном интеллекте. Одно из ключевых предложений — признать использование технологий искусственного интеллекта для совершения преступлений отягчающим обстоятельством. Основная цель законопроекта — создать единые правила использования технологий ИИ, убрав существующие противоречия в разроз-

ненных инициативах, и не затормозить современное технологическое развитие избыточным контролем. Законопроект призван дать ответы на самые острые вопросы:

- устранить неоднозначность трактовок и закрепить единые юридические определения для всей сферы ИИ;

- определить четкие критерии для отечественных моделей (например, регистрация оператора в РФ, обучение на национальных датасетах);

- закрепить, кто именно (разработчик, оператор, пользователь) и за что отвечает, особенно в случае ошибки или вреда от ИИ;

- установить правила обязательной маркировки материалов, созданных нейросетями, и механизмы контроля за этим;

- определить, кому принадлежат права на произведения, созданные ИИ, и как учитывать права авторов оригинальных данных, на которых модель обучалась;

- сформулировать адаптированные правила для внедрения ИИ в разных сферах (медицина, госуправление и т. д.).

Закон в первую очередь затронет области, где ошибка ИИ может иметь серьезные последствия. Это здравоохранение, образование, судопроизводство и общественная безопасность. Применительно к сфере юриспруденции планируется признать использование ИИ для совершения преступлений отягчающим обстоятельством. Что это значит для медицины?

В больницах можно будет использовать лишь те ИИ-решения, которые включены в реестр, сертифицированы и обучались на российских данных. Использование иностранных облачных ИИ-сервисов станет невозможным или будет жестко ограничено. Предполагается закрепление правила, что за клиническое решение отвечает врач, но разработчик обязан обеспечить безопасность алгоритма. Для сферы здравоохранения закон станет фундаментом определения ответственности и напрямую должен ответить на вопросы, которые мы обсуждали выше. При этом, даже самые благие законодательные инициативы редко бывают идеальными, и подготовка рамочного закона об ИИ в России не исключение.

Во-первых, обращает внимание неопределенность понятийного аппарата. Предлагаемое определение ИИ как

«любая система, обладающая способностью обрабатывать данные способом, напоминающим разумное поведение», не позволяет четко отличить ИИ от традиционного ПО. Министерство юстиции РФ ранее уже раскритиковало смежный законопроект об уголовной ответственности за использование ИИ именно из-за неопределенности терминов и необходимости подтверждения факта использования ИИ посредством судебных экспертиз.

Во-вторых, закон предлагает ввести критерии российскости технологии ИИ, что ограничит доступ к лучшим мировым диагностическим практикам в здравоохранении. В-третьих, законопроект пытается разграничить роли (разработчик, оператор, пользователь) и зоны их ответственности. Так, на разработчика возлагается обязанность «обеспечить безопасное применение технологии и предотвращение вреда». Но как разработчик может гарантировать безопасность в конкретной клинической ситуации, за которую отвечает врач? Если ИИ ошибется в диагнозе, кто понесет ответственность — создатель алгоритма или доктор, который им воспользовался? В-четвертых, инициатива сделать использование ИИотягчающим обстоятельством при виновном причинении вреда влечет риски двойного наказания.

Анонсированный закон — это, безусловно, важный шаг к упорядочиванию сферы ИИ и снятию части правовой неопределенности. У экспертов и законодателей есть время для его доработки, поскольку текст закона пока существует в виде концепции, но его структура и ключевые положения уже определены.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в здравоохранении создает новые вызовы для уголовного права в части трансформации традиционных составов преступлений и признания факта использования ИИ в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, в случаях:

— системного характера причиненного вреда, когда ошибка алгоритма приводит к массовому причинению вреда здоровью пациентов, что свидетельствует о более высокой степени общественной опасности деяния по сравнению с индивидуальной врачебной ошибкой;

— нарушение обязанности надзора, когда лицо, ответственное за применение ИИ, грубо нарушает установленные стандарты его использования (отсутствие верификации, не информирование пациента).

Проведенный анализ позволяет заключить, что действующее правовое регулирование сохраняет в качестве основного субъекта ответственности медицинского работника, использующего ИИ (ст. 109, 118 УК РФ). При этом разработчики систем ИИ ответственности не несут, что создает риск несправедливого распределения ответственности.

Установление причинно-следственной связи в условиях распределенной ответственности существенно осложняется множественностью факторов, влияющих на причинение вреда, что требует разработки специальных правил квалификации.

Субъективная сторона требует выработки четких критериев неосторожной вины при использовании ИИ с учетом принципиальной непрозрачности некоторых алгоритмов и необходимости сохранения врачебного контроля. Требуется разработка стандартов оказания медицинской помощи с использованием ИИ, закрепление соответствующих обязанностей в должностных инструкциях врачей и законодательное решение вопроса об ответственности разработчиков.

Технологии искусственного интеллекта меняют парадигму оказания медицинской помощи, что требует адекватной трансформации правового регулирования. Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути установления четких стандартов прозрачности, обязанностей по надзору и справедливого распределения ответственности между разработчиками, медицинскими организациями и клиницистами на всех этапах жизненного цикла систем ИИ. Адаптация структуры уголовной ответственности необходима для решения новых задач, связанных с применением ИИ, и более справедливого распределения ответственности в целях обеспечения баланса между безопасностью пациентов и стимулированием инноваций в сфере здравоохранения.

Литература

1. Ерахтина О. С. Подходы к регулированию отношений в сфере разработки и применения технологий искусственного интеллекта: особенности и практическая применимость // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2023. — № 1(2). — С. 421–432. DOI: 10.21202/jdtl.2023.17 EDN: LBWSXW
2. Гребенькова Л. А., Захарова Е. Р. Проблемы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта и пути их решения // *Вестник МГПУ Юридические науки*. — 2023. — № 4(52). — С. 108–121. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.10 EDN: ZBVAOO
3. Иващенко М. А. Новые формы организованной преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 34 с. EDN: CEBOPN
4. Медицинское уголовное право: монография / под. ред. А. И. Рарог. — М.: Проспект, 2022. — 576 с.
5. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // *Вестник СПбГУ. Серия 14. Право*. — 2019. — № 4. — С. 461–476. DOI: 10.21638/spbu14.2019.304 EDN: BGASBE
6. Третьякова Е. П. Использование искусственного интеллекта в здравоохранении: распределение ответственности и рисков // *Цифровое право*. — 2021. — № 4. — С. 51–60. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-4-51-60 EDN: NGHUTA
7. Шутова А. А. Особенности квалификации преступлений, совершаемых лицами, использующими технологии искусственного интеллекта в здравоохранении // *Lex Russica*. — 2023. — № 12(205). — С. 113–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.205.12.113-123 EDN: PQTEET
8. Шутова А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения: уголовно-правовые девиации // *Правопорядок: история, теория, практика*. — 2023. — № 3(38). — С. 92–100. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-92-100 EDN: RKMSGЕ
9. Шутова А. А. Искусственный интеллект в системе здравоохранения: пределы уголовной ответственности врачей // *Правоприменение*. — 2025. — № 3. — С. 144–153. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).144-153 EDN: SVFEFW
10. Уголовный кодекс Австрии. СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. — 350 с.
11. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб: Юрид. центр Пресс, 2003. — 522 с.
12. Bartlett B. The possibility of AI-induced medical manslaughter: Unexplainable decisions, epistemic vices, and a new dimension of moral luck // *Medical Law International*. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 241–270. DOI: 10.1177/09685332231193944 EDN: MYIQPO
13. Criminal law response to medical errors related to the use of AI // *Przegląd Prawa Medycznego*. 2025. Vol. 7. No. 3. Pp. 131–152. DOI: 10.70537/ppm/210280 EDN: DBDLVS

References

1. Erakhtina O. S. Approaches to regulating relations in the field of development and application of artificial intelligence technologies: features and practical applicability // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2023. — No. 1(2). — Pp. 421–432. DOI: 10.21202/jdtl.2023.17 EDN: LBWSXW
2. Grebenkova L. A., Zakharova E. R. Problems of Criminal Law Regulation of Artificial Intelligence and Ways to Solve Them // *Vestnik MGPU Yuridicheskie Nauki*. — 2023. — No. 4(52). — Pp. 108–121. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.10 EDN: ZBVAOO
3. Ivashchenko M. A. New forms of organized crime: abstract. diss. ... kand. jurid. Sciences. — M., 2022. — 34 p. EDN: CEBOPN
4. Medical Criminal Law: Monograph / Ed. by A. I. Rarog. — Moscow: Prospekt, 2022. — 576 p.
5. Mosechkin I. N. Artificial Intelligence and Criminal Liability: Problems of the Emergence of a New Type of Criminal Offender // *Vestnik SPbGU. Series 14. Law*. — 2019. — No. 4. — Pp. 461–476. DOI: 10.21638/spbu14.2019.304 EDN: BGASBE
6. Tretyakova E. P. The Use of Artificial Intelligence in Healthcare: Distribution of Responsibility and Risks // *Digital Law*. — 2021. — No. 4. — Pp. 51–60. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-4-51-60 EDN: NGHUTA
7. Shutova A. A. Features of the Qualification of Crimes Committed by Persons Using Artificial Intelligence Technologies in Healthcare // *Lex Russica*. — 2023. — No. 12(205). — Pp. 113–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.205.12.113-123 EDN: PQTEET
8. Shutova A. A. Application of Artificial Intelligence Technologies in the Healthcare Sector: Criminal Law Deviations // *Law and Order: History, Theory, Practice*. — 2023. — No. 3(38). — Pp. 92–100. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-92-100 EDN: RKMSGЕ

9. Shutova A. A. Artificial Intelligence in the Healthcare System: Limits of Criminal Liability of Doctors // Law Enforcement. — 2025. — No. 3. — Pp. 144–153. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).144-153 EDN: SVFEFW
10. Criminal Code of Austria. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. — 350 p.
11. Criminal Code of the Federal Republic of Germany. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. — 522 p.
12. Bartlett B. The possibility of AI-induced medical manslaughter: Unexplainable decisions, epistemic vices, and a new dimension of moral luck // Medical Law International. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 241–270. DOI: 10.1177/09685332231193944 EDN: MYQPO
13. Criminal law response to medical errors related to the use of AI // Przegląd Prawa Medycznego. 2025. Vol. 7. No. 3. Pp. 131–152. DOI: 10.70537/ppm/210280 EDN: DBDLVS

Сведения об авторе

Лопатина Татьяна Михайловна — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международный юридический институт, Москва, Россия.

Information about the authors

Lopatina Tatyana Mikhailovna — Head of the Department of Criminal Law Disciplines Smolensk State University, Smolensk, Russia. Professor of the Department of Criminal Law Disciplines International Law Institute, Moscow, Russia.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.02.2026

Дата рецензирования / Received: 07.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

